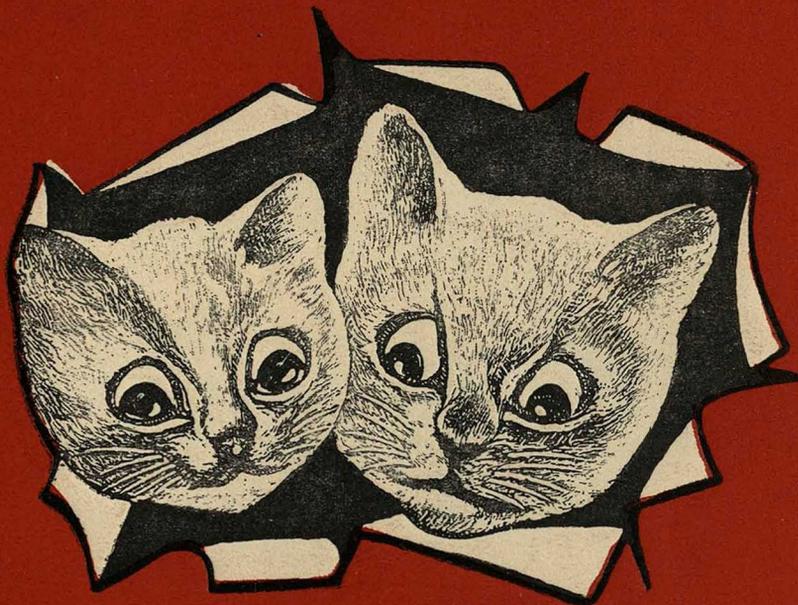

6 изданія шестой.

ІЮНЬ.

№ 16.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛѢТНЕЕ УТРО (стих.).
ТРИ ЛАСТОЧКИ И ЭЛЬФЪ.
ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ
ИРЕНЫ (повѣсть).
МИЛАЯ ПОРА (стих.).
БОРЯ И МИЛОРДЪ.
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Выкройка шапочекъ для дѣтей.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

ПОДПИСАНИЕ

ЛЕНИН (1920)

ВНЕШНЕПРЕДПРИЯТИЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО

ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО

ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО

ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО

ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО

ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Завтракъ.

ЛѢТНЕЕ УТРО.

Всходитъ солнце... Какъ-то сразу
Пробудились лугъ, лѣса
И на листьяхъ, какъ алмазы,
Заблестала вдругъ роса.

На рѣкѣ туманъ поднялся
И прошелъ куда-то прочь,
Гдѣ-то благовѣсть раздался...
Здравствуй утро! Гдѣ ты ночь?

Утро, утро!.. Рады птицы,
Начались у всѣхъ дѣла
И давно, въ поляхъ пшеницы,
Ужъ кричатъ перепела.

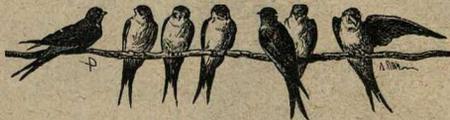
Распѣваютъ всюду пташки,
На дубахъ грачи кричатъ
И козявки и букашки
Ужъ въ густой травѣ трещатъ.

Ароматъ идетъ отъ розы,
Сталь душистѣе левкой
И веселыя стрекозы
Залетали надъ рѣкой.

Подъ листвою густою сада
Загудѣли жукъ и шмель
И вдали, съ мычаньемъ стада,
Вдругъ слышалась свирѣль.

Сколько счастья, сколько свѣта
Ты приносишь, лѣто, намъ!..
Солнце, солнце!.. Лѣто, лѣто!..
Вы прекрасны по утрамъ.

Ирисъ.

ТРИ ЛАСТОЧКИ И ЭЛЬФЪ.

СКАЗКА.

На берегу рѣки стояла водяная мельница. День и ночь работали ея большія колеса и подъ ними сердито шумѣла вода. Красныя кирпичныя стѣны и зеленая крыша мельницы ласково выглядывали сквозь зелень окружающихъ ее вѣковыхъ липъ и вся эта картина до мельчайшихъ подробностей от-

ражалась въ рѣкѣ. Когда лѣтомъ цвѣли эти липы, то слетались къ нимъ цѣлыя рои пчелъ, такъ что еще издали, не смотря на шумъ мельничныхъ колесъ, слышалось ихъ жужжанье. Окна въ мельницѣ всегда были вымыты и за ними виднѣлись бѣлоснѣжныя занавѣски и горшки съ цвѣтушей ге-

ранью. Вокругъ мельницы всегда раздавалось веселое щебетаніе птицъ и каждый вечеръ громко пѣлъ соловей. Онъ пѣлъ такъ прекрасно, что всѣ другія птицы затихали и мельничиха высовывалась изъ окна и начинала слушать, совершенно забывая объ ожидавшихъ ея дѣлахъ.

Подъ самой крышей мельницы жили ласточки. Онѣ цѣлыми стаями носились надъ водой и надъ лужайками, гонялись за насѣкомыми, съ радостнымъ пискомъ встрѣчали восходъ солнца и весело щебетали, когда оно заходило. Съ каждымъ годомъ число гнѣздъ подъ крышей увеличивалось и въ одну прекрасную весну весь карнизъ на мельницѣ уже былъ увѣшенъ сплошь ласточкиными гнѣздами.

— „Какъ бы мнѣ ихъ прогнать?“ думалъ маленькій сынъ мельничихи Петръ, вѣчно уплетая большой ломоть хлѣба.—„Ужъ очень онѣ мнѣ надоѣли! Все трещать и трещать...“

Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ наконецъ рѣшилъ сбить съ карниза гнѣзда ласточекъ длиннымъ шестомъ, а маленькихъ птенцовъ бросить прямо въ воду.

— Что съ ними церемониться? рѣшилъ Петръ.

И онъ привелъ свой планъ въ исполненіе. Ухмыляясь и воображая себя настоящимъ героемъ, онъ съ равнодушнымъ видомъ и заложивъ руки въ карманы шта-

новъ, слѣдилъ за тѣмъ, какъ перепуганныя ласточки-матери съ жалобными криками носились вокругъ дома, жалуясь на свою бѣду и стараясь найти своихъ заброшенныхъ птенцовъ. Нѣкоторые изъ птенчиковъ уже утонули въ водѣ, а другіе безпомощно лежали на берегу и пищали.

Невдалекѣ росла старая плакучая ива, длинныя вѣтки которой спускались до самой воды. Когда дулъ вѣтеръ, то эти вѣтки окунались въ воду. Въ дуплѣ этой ивы жилъ маленькій Эльфъ съ голубыми, какъ ясное небо, глазами, съ вѣнкомъ изъ незабудокъ на головѣ и съ блестящей, золотистой мантией, спускавшейся у него съ плечъ. На утренней и вечерней зарѣ онъ выходилъ изъ своего дупла, садился у его порожка и начиналъ пѣть. Никто не могъ видѣть этого Эльфа и слышать его пѣсенъ, кромѣ птичекъ и Водяного дѣдушки, который жилъ на днѣ рѣки, какъ разъ подъ самой ивой. Водяной дѣдъ былъ очень старъ и угрюмъ, у него были зеленые глаза, онъ всегда сидѣлъ у себя въ пещерѣ и своими безобразными лапами ловилъ заблудившихся раковъ и вспугивалъ форелей, когда онѣ, радуясь прохлаждѣ, заплывали въ его пещеру. Онъ часто погружался въ глубокую думу и очень не любилъ когда ему мѣшали рыбы или-же суетливыя ласточки начинали летать надъ

самой водой въ погонѣ за мошками и комарами. Онъ ласточекъ прямо не выносилъ.

Среди маленькихъ ласточекъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ и не попавшихъ въ воду, были три изъ одного и того-же гнѣзда. Всѣ три, онѣ лежали на берегу и жалобно звали къ себѣ свою мать. Но ихъ отецъ былъ убитъ при паденіи гнѣзда на землю, а мать была въ это время далеко въ полѣ, собирая для своихъ птенцовъ насѣкомыхъ. Возвратившись къ мельницѣ и не найдя своихъ птенцовъ, она съ жалобнымъ пискомъ стала летать взадъ и впередъ около рѣки и вдругъ увидала своихъ дѣтей безпомощно лежавшими на берегу у самой воды. Она обрадовалась имъ, накормила ихъ и чтобы ихъ никто не обидѣлъ, прикрыла ихъ сухими листьями и травой.

— Сидите здѣсь и молчите! сказала она имъ.—Я сейчасъ къ вамъ вернусь!

И она полетѣла къ Эльфу.

— Тукъ-тукъ-тукъ! постучала она въ дупло.

— Кто тамъ?

— Это я, добрый Эльфъ. Выйди ко мнѣ, я хочу тебѣ рассказать о постигшемъ насъ горѣ.

— Но я не могу еще выходить на воздухъ, слышался голосъ изъ глубины дупла.—Сейчасъ еще очень свѣтло! Говори отсюда, я буду тебя слушать!

Ласточка рассказала Эльфу все,

и горько стала жаловаться на свою судьбу. Ея рассказъ привелъ Эльфа въ негодование. Онъ не могъ удержать слезъ, которыя блестящими, бриллиантовыми росинками падали у него изъ глазъ:

— Вотъ что, сказалъ онъ наконецъ ласточкѣ.—Принеси ко мнѣ всѣхъ твоихъ малютокъ.—Здѣсь у меня, въ ивѣ, подъ отставшей немного корой, есть маленькое дупло, которое можетъ тебѣ пригодиться. Въ немъ хорошо можно будетъ устроиться и оно на первое время замѣнитъ для твоихъ дѣтей гнѣздо.

Это очень утѣшило ласточку. Она тотчасъ-же полетѣла за дѣтьми, а маленькій Эльфъ, хоть дневный свѣтъ и заставлялъ его сильно щуриться, вылѣзъ изъ своего дупла и устлалъ мягкимъ мхомъ будущее гнѣздышко. Приготовивъ его для своихъ новыхъ жильцовъ, онъ снова юркнулъ къ себѣ въ дупло и сталъ ожидать вечера, когда стемнѣетъ и можно будетъ выйти на порожекъ и попѣть.

Долго возилась ласточка со своими дѣтьми. Перетащить каждаго изъ нихъ къ ивѣ ей было не под силу. Другія птицы берутъ своихъ дѣтенышей въ лапки и несутъ ихъ по воздуху съ помощью крыльевъ, у ласточки-же ноги были коротки и нужно было тащить дѣтей съ помощью клюва. Тогда она кликнула къ себѣ своихъ товарокъ и онѣ

мигомъ перетащили всѣхъ ея дѣтей на новую квартиру.

— Счастливая ты, говорили онѣ.—У тебя уцѣлѣли дѣти и нашлось новенькое гнѣздо!

А когда наступилъ вечеръ, взошелъ молодой двурогій мѣсяць и соловей запѣлъ одну изъ своихъ прекрасныхъ пѣсень, то маленькія ласточки мирно спали въ безопасности въ своемъ новомъ гнѣздѣ и ихъ мать укрыла ихъ своими крыльями. Только одна изъ нихъ, самая младшая, стонала во снѣ: у нея было вывихнуто крыло и никто еще не зналъ, что она была такъ тяжело больна.

— Ну, что? высунулся изъ воды Водяной дѣдъ и насмѣшливо обратился къ Эльфу.—Устроилъ семейку? Воображаю, какъ она останется тебѣ благодарной!

— Я сдѣлалъ это, отвѣчалъ Эльфъ,—не для того, чтобы получить благодарность. Солнце, которое намъ свѣтитъ и согрѣваетъ насъ, не требуетъ отъ насъ благодарности. Деревья, которыя даютъ намъ тѣнь и пріютъ, тоже не требуютъ, чтобы мы ихъ благодарили. Слышишь, поетъ соловей? Вѣдь онъ не ждетъ, чтобы ты его поблагодарилъ! Онъ поетъ потому, что это ему нравится. Такъ и я далъ пріютъ этимъ несчастнымъ ласточкамъ для своего удовольствія.

— Хорошо удовольствіе!.. пробурчалъ Водяной дѣдъ и, выпу-

стивъ нѣсколько пузырей, погрузился къ себѣ въ воду.

Съ утра ласточки-матери надо было подумать о томъ, какъ прокормить своихъ птенцовъ. Ихъ было трое, они требовали много пищи и справиться ей одной, безъ отца, было мудрено. Ей оказалось просто не подъ силу одной налавливать столько мошекъ и комаровъ, чтобы удовлетворить аппетитъ своихъ дѣтей. Къ тому-же, улетая на ловлю, она оставляла птенцовъ однихъ и всякій разъ боялась, какъ-бы въ ея отсутствіе ихъ кто-нибудь не обидѣлъ.

— Помоги мнѣ! обратилась она къ жаворонку.

— Право не могу, отвѣтилъ онъ ей,—вѣдь я—пѣвецъ, а у насъ, артистовъ, всегда такъ мало свободнаго времени!

Тогда ласточка обратилась къ трясогузкѣ:—

— Будь добра, помоги мнѣ накормить моихъ дѣтей.

— Что ты, что ты? отвѣтила ей та.—Да есть-ли у меня время? Я все время танцую, а вѣдь ты знаешь, какой трудъ танцевать?

Тогда ласточка-мать вернулась къ Эльфу и стала ему жаловаться на свою судьбу.

— Вотъ если-бы Водяной дѣдушка тебѣ помогъ!.. сказалъ Эльфъ.—Вѣдь ему стоитъ только высунуть изъ воды руку и онъ можетъ поймать ею сразу цѣлыя сотни мошекъ и комаровъ! Сегодня-

же я спою ему о твоёмъ желаніи какъ можно трогательнѣе и нѣжнѣе!

И едва только наступилъ вечеръ, какъ Эльфъ уже сидѣлъ у самой воды и пѣлъ Водяному дѣду свою пѣсню. Ему вторилъ вдалькѣ прекрасный соловей, кругомъ трещали ночныя насѣкомыя, свѣтили мѣсяць и не смѣли шелохнуть листвою деревья. Было такъ нѣжно и ласково въ природѣ, что мельничиха открыла окошко и, подперши ладонью щеку, долго прислушивалась къ звукамъ и не хотѣла ложиться спать.

— Создастъ-же Господь такую красоту! сказала она со вздохомъ.

А въ это время ея сынъ Петръ лежалъ въ постели, укрывшись съ головой, и ни на что не хотѣлъ смотрѣть. Въ немъ проснулось чувство порядочности, заговорила совѣсть и сознание, что онъ поступилъ не хорошо, овладѣло всѣмъ его существомъ. Горкія слезы текли у него по щекамъ, онъ не слышалъ уже надъ своимъ окномъ веселаго щебетанія ласточекъ и это молчаніе навело на него тоску и сознание вины завладѣло его душой. Онъ выглянулъ въ окошко—и все, на что онъ прежде такъ любилъ смотрѣть, показалось ему мрачнымъ и угрюмымъ. Цѣлый день онъ стыдился взглянуть на небо. Онъ чувствовалъ, что между нимъ и природой порвалась связь и что эта связь

не возстановится еще долго, пока ему не простится его грѣхъ и пока онъ не искупить свою вину. И все, что такъ весело до этого манило его къ себѣ, стало казаться ему потускнѣвшимъ и печальнымъ и потерявшимъ свои прежніе значеніе и смыслъ: деревья стали шумѣть какъ-то грустно, въ щебетаніи птицъ онъ слышалъ только одну печаль и даже какъ-то странно—протяжно, точно во время похоронъ, стало звучать для него пѣніе пѣтуховъ. Кое-какъ дождался онъ до вечера, бросился въ постель и, стыдясь самого себя и всѣхъ, укрылся съ головой.

— Господи, прости меня! шепталь онъ.—Зачѣмъ я это сдѣлалъ!

А въ это время ликовала вся природа. Трещали насѣкомыя, распѣвали соловей и нѣжнымъ голоскомъ выводилъ свою пѣсню Эльфъ.

Между тѣмъ, на рѣчкѣ у ивы послышался шумъ и на поверхности воды вдругъ показались пузыри. Вокругъ нихъ побѣжали одинъ за другимъ круги. Потомъ вылѣзъ на воздухъ самъ Водяной дѣдъ.

— Что вы всѣ такъ распѣлись и растрещались? заговорилъ онъ недовольнымъ тономъ.—Не даете спать!

— Мы всѣ поемъ отъ радости, отвѣтилъ Эльфъ,—что сегодня такая великолѣпная ночь.

— Хороша радость! Вотъ когда

кто-нибудь утонетъ и попадаетъ ко мнѣ на дно, такъ это дѣйствительно радость! А то что за радость, что на дворѣ стоитъ ночь и свѣтитъ луна! Есть изъ-за чего трещать! Точно праздникъ!

— У насъ всегда праздникъ на душѣ, возразилъ ему Эльфъ,—потому что мы никому не дѣлаемъ зла, всѣхъ любимъ и радуемся тому, что создалъ для всѣхъ Господь! Вонъ и мельничиха тоже радуется, а ея сынъ, Петруша, котораго теперь мучить совѣсть за то, что онъ разорилъ гнѣзда ласточекъ, лежитъ теперь, укрывшись съ головой, и не можетъ заснуть. Ему стыдно поглядѣть на небо, и на облака. Все кажется ему плохимъ и эта всеобщая радость мѣшаетъ ему теперь спать, потому что самъ онъ уже не можетъ больше радоваться и плохъ онъ самъ, а не то, что вокругъ него. Но оставимъ этотъ разговоръ! Ты все равно меня не поймешь, потому что ты любишь страданія животныхъ и людей. У меня къ тебѣ просьба: помоги мнѣ накормить этихъ несчастныхъ трехъ сиротъ!

— Кого? переспросилъ Водяной дѣдъ.

— Этихъ трехъ ласточекъ!

— Да пусть онѣ лучше издохнутъ!

И Водяной дѣдъ шумно опустился къ себѣ на дно.

Всю ночь Эльфъ продумалъ о

томъ, какъ-бы ему помочь ласточкамъ. Если выбѣжать изъ дупла самому и начать ловить мухъ и комаровъ, то онъ не былъ приспособленъ къ яркому солнечному свѣту и могъ-бы тотчасъ-же ослѣпнуть отъ блеска солнца. Оставалось придумать что-нибудь такое, для чего вовсе не нужно было-бы вылѣзть среди дня изъ дупла. Состраданіе помогло ему. У Эльфа былъ шарфъ, сплетенный изъ тончайшихъ паутинокъ и унизанный мельчайшими капельками росы. Онъ очень любилъ этотъ шарфъ и иногда по утрамъ развѣшивалъ его для просушки между вѣтвей. И всякій разъ откуда-то прибѣгаль паукъ цѣплялся за этотъ шарфъ и начиналъ дѣлать на немъ разные фокусы, какъ въ циркѣ акробатъ. Къ нему слетались мошки и мухи и онъ искусно запутывалъ ихъ въ нити шарфа, такъ что они не могли уже больше улетѣть, и для Эльфа стоило потомъ большихъ трудовъ, чтобы прогнать паука и освободить попавшихъ въ шарфъ насекомыхъ.

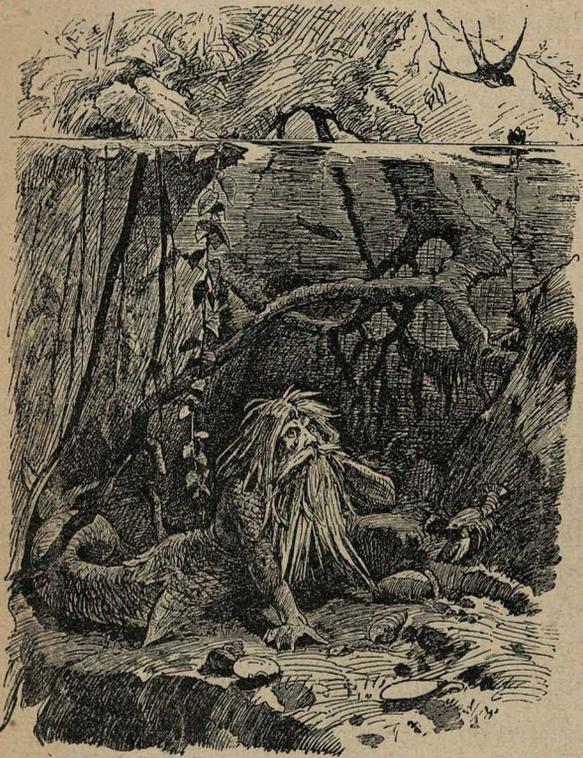
— Развѣшу-ка я свой шарфъ и теперь! рѣшилъ Эльфъ и вынесъ для просушки свой удивительный шарфъ.

Тотчасъ-же выбѣжалъ откуда-то паукъ, забѣгаль по ниточкамъ, какъ акробатъ,—и скоро къ услугамъ маленькихъ ласточекъ было уже множество мошекъ, комаровъ и мухъ. Эльфъ собралъ ихъ въ

корзиночку и принесть ихъ маленькимъ птенцамъ.

— Кушайте на здоровье! сказалъ онъ имъ.—Ростите большіе!

И такъ онъ сталъ кормить маленькихъ ласточекъ каждый день.

Онъ ласточекъ прямо не выносилъ.

Черезъ мѣсяцъ ласточки окрѣпли уже настолькоъ, что должны были уже начать вылетать изъ гнѣзда. Онѣ не рѣшались. Двѣ старшія изъ нихъ уцѣпились лапками за гнѣздо и пугливо смотрѣли на воду.

— Смѣлѣе! сказала имъ мать и столкнула ихъ внизъ.

Онѣ думали, что упадутъ и утонутъ, но оказалось, что онѣ уже

умѣли летать. Покружившись около ивы, онѣ снова возвратились въ гнѣздо и каждый день затѣмъ стали улетать все дальше и дальше и наконецъ навсегда улетѣли изъ родного дупла.

— Ну, а ты что-же? обратилась ласточка мать къ своей младшей дочери.—Скоро-ли будешь летать и ты?

Но маленькая ласточка хотѣла летать и не смогла: у нея не дѣйствовало лѣвое крыло. Съ тѣхъ поръ, какъ ее бросилъ когда-то Петръ къ рѣкѣ, она вывихнула себѣ крыло и никто не замѣтилъ ея боли и стоновъ. Такъ оно неправильно и срослось.

— Ну, что мнѣ дѣлать съ тобой, калѣвкой? испугалась мать.—Скоро кончится лѣто, нужно будетъ улетать всѣмъ ласточкамъ въ теплые края, а на кого я тебя здѣсь оставляю?

Но наступилъ августъ, дни стали короче и ласточки стали уже готовиться къ отлету, а наша маленькая летунья все еще не могла двинуть крыломъ.

— Что-же, придется тебя оставить одну! сказала ей мать.—Непобѣдимая сила заставляетъ всѣхъ насъ улетѣть въ теплыя края! Прощай, мое милое дитя!

Она защebetала дочери на прощаніе и улетѣла вмѣстѣ съ другими ласточками въ Египетъ. Бѣдная калѣвка осталась одна.

— Что-же ты теперь будешь

дѣлать? спросилъ ее Эльфъ.—
Вѣдь скоро зима!

— Не знаю, грустно отвѣтила
ласточка.—Пока ты меня кормишь,
я буду оставаться здѣсь.

— Но вѣдь всѣ птицы уже уле-
тѣли, всѣ насѣкомыя свершили
свой жизненный кругъ и заснули
до весны. Человѣкъ уже собралъ
въ житницу хлѣбъ и ждетъ зимы.
Я самъ тоже скоро засну! Что-же
ты будешь дѣлать безъ меня?

Въ эту минуту изъ воды вы-
сунулась голова Водяного дѣда.

— Интересно знать
какъ вы рѣшите этотъ
вопросъ! сказалъ онъ.
— Вотъ ты, Эльфъ, го-
воришь, что все на
свѣтѣ прекрасно и что
этой красоты не за-
мѣчаетъ только тотъ,
кто золь или огру-
бѣлъ душой. Инте-
ресно будетъ посмо-
трѣть, кто поможетъ
этой безпомощной ка-
лѣвкѣ, когда ты за-
снешь и наступятъ хо-
лода? Найдется ли
хоть одна душа, кото-
рая еще не настолько
огрубѣла, чтобы по-
заботиться объ этой
птицѣ? Кому эта
ласточка нужна? Я-бы
совѣтовалъ ей сва-
литься по-просту ко
мнѣ сейчасъ въ воду

и отправиться въ мой желудокъ!
Это для нея покойнѣе, а для меня
вкуснѣе!

— Нѣтъ! отвѣтилъ Эльфъ.—Это-
го не можетъ быть! Не можетъ
быть, чтобы на свѣтѣ не суще-
ствовало состраданія и доброты!
Безъ состраданія и доброты не
могло-бы существовать на свѣтѣ
никакой красоты, а все на Божьемъ
свѣтѣ такъ прекрасно! Эту птичку
кто-нибудь пожалѣетъ и поможетъ
ей уберечься отъ холода!

— Посмотримъ! сказалъ насмѣш-

Едва только наступилъ вечеръ, какъ Эльфъ уже сидѣлъ
у самой воды и пѣлъ.

ливо Водяной дѣдъ и, пустивъ пузыри, скрылся у себя въ глубинѣ.

Настушила глубокая осень. За шумѣли деревья, стали сваливаться съ нихъ листья и вѣтеръ погналъ ихъ передъ собой по полю и дорогѣ. Въ поляхъ стало уныло и безлюдно. Короче становился день. Цѣлыми часами шелъ досадный, холодный дождь и было такъ зябко, такъ холодно, что бѣдному Эльфу не охота была вылѣзть изъ своего дупла и хотѣлось спать, спать, спать... Вѣтеръ давно уже порвалъ его прекрасный шарфъ, паукъ уползъ къ себѣ въ норку и заснулъ и бѣдная ласточка давно уже сидѣла безъ ѣды на краю своего гнѣзда и не знала, что ей дѣлать.

„Погибнетъ!..“ думалъ о ней Эльфъ сквозь одолѣвавшій его сонъ.— „Неужели Водяной дѣдъ окажется правъ? Неужели на свѣтѣ не существуетъ красоты?“

И вдругъ — безмѣрная радость! Послѣ ряда томительныхъ, холодныхъ осеннихъ дней выпалъ вдругъ совершенно лѣтній, солнечный денекъ. Эльфъ не могъ ужъ вылѣзти изъ своего дупла. Онъ только чувствовалъ красоту дня и не будучи въ состояніи сдержать охватившаго его радостнаго настроенія, вспомнилъ о своихъ подругахъ ласточкахъ и, какъ, бывало, лѣтомъ, запѣлъ:—

«На старой козочкѣ
Двѣ ласточки вдвоемъ

Сидѣли, щебетали
На гнѣздышкѣ своемъ.
— «Не бойся» говорила
Малюткѣ ея мать.—
«Бросайся въ воздухъ смѣло
И будешь ты летать!»
Но птичка не рѣшалась,
Ей страшень былъ полетъ,
Она за мать цѣплялась,
Боялось — упадетъ.
Но мать ей отвѣчала:
— «Лети, чего ты ждешь?
Тебя Господь поддержитъ
И ты не упадешь».
И ласточка — малютка
Спустилась на карнизъ.
Съ него она свалилась
И полетѣла вверхъ.
Но самъ Господь незримо
Малютку поддержалъ,
Онъ путь ея направилъ
И крыльямъ силу далъ *).

Маленькая ласточка сидѣла въ это время на краю своего гнѣзда и, озябая, голодная, засунувъ голову подъ крыло, дремала. И вдругъ до нея донеслось откуда-то изъ глубины пѣніе Эльфа. Она подумала, что это грезится ей во снѣ, но ей такъ было пріятно слушать, что она боялась пошевеливаться, чтобы пробужденіемъ не отогнать отъ себя этотъ сладкій сонъ. И ей почудилось, что это на самомъ дѣлѣ около нея стоитъ ея мать и уговариваетъ ее начать летать. И, зная, что скоро уже зима, что нужно во что-бы то ни стало научиться летать, и вѣря въ то, что ее поддержитъ самъ Господь и не дастъ ей погибнуть, она вдругъ почувствовала въ себѣ желаніе свободы и вѣры въ свои крылья

*) Изъ Е. Rambert.

и разжала лапки... Ея вывихнутое крыло беспомощно заболталось въ воздухѣ, она открыла глаза, крикнула отъ ужаса и повалилась прямо въ воду.

— Моя!.. крикнулъ водяной дѣдъ и протянулъ уже лапу, чтобы ее схватить.

— Нѣтъ, нѣтъ, птичка! Ты не утонешь! вдругъ послышался чей-то дѣтскій голосъ. — Я тебя сейчасъ спасу!

И кто-то быстро подбѣжалъ къ рѣкѣ и бросился въ холодную, ледяную воду. Это былъ сынъ мельничихи Петръ. Размахивая руками, сжатый, какъ въ тискахъ, прилипшей къ нему одеждой, онъ плылъ къ тому мѣсту, гдѣ барахталась несчастная ласточка.

— Мои оба!.. крикнулъ Водяной дѣдъ и уже занесъ обѣ свои лапы, чтобы схватить и ласточку и Петра.

Петръ подплылъ къ ласточкѣ, схватилъ ее и осторожно выбросилъ ее на берегъ. Но стиснутый своимъ осеннимъ пальто и чувствуя цѣлые пуды въ ногахъ отъ набравшейся въ сапоги воды, онъ понялъ, что самъ уже не въ силахъ выбраться изъ воды, и крикнулъ:—

— Спасите! помогите!

Водяной дѣдъ свернулъ на него своими зелеными, холодными глазами, схватилъ его за шею и потащилъ его къ себѣ.

— Спасите! помогите! еще разъ

громко крикнулъ Петръ и пошелъ ко дну.

Пять минутъ спустя къ рѣкѣ прибѣжали работники и крестьяне и вытащили Петра изъ воды. Но онъ уже былъ почти безъ чувствъ.

— Птичка... здѣсь, въ травѣ!.. только и могъ онъ произнести.— Возьмите ее со мной!

И онъ потерялъ сознание совсѣмъ. Онъ простудился и захворалъ.

А когда онъ выздоровѣлъ и очнулся, то былъ уже ясный, солнечный, морозный день. Стояла уже зима. Онъ открылъ глаза и радость жизни наполнила вдругъ его сердце. Слышался шумъ воды у плотины и грохотъ колесъ на мельницѣ. Мычала въ хлѣву корова и гоготали гуси. И отъ всѣхъ этихъ звуковъ, отъ этого солнца и отъ блага снѣга вѣяло такой радостью, такимъ счастьемъ, что хотѣлось жить, смѣяться, прыгать и радоваться всему живому. Уцѣпившись лапками за переплетъ окна, весело попискивала ласточка, которую Петръ вытащилъ изъ воды и которую мельничиха взяла съ собой и стала кормить. Петръ взглянулъ на нее и улыбнулся во все лицо. То время, когда онъ разорилъ ласточкины гнѣзда у себя подъ крышей, показалось ему тяжелымъ кошмаромъ, который онъ пережилъ когда-то во снѣ и о которомъ ему было страшно теперь вспоминать. И онъ протянулъ къ

ласточкѣ руки и весело и искренно ей сказалъ:—

— Лети скорѣй ко мнѣ! Не бойся! Я не сдѣлаю тебѣ зла! Я люблю теперь всѣхъ тварей на свѣтѣ! Я много выстрадалъ и научился ихъ любить.

А маленькій Эльфъ мирно спалъ въ это время у себя въ дуплѣ и ему снилась вся эта сцена. Онъ повернулся на другой бокъ и, все еще

не просыпаясь, пробормоталъ какъ-бы для самого себя:—

— Безъ состраданія и доброты не можетъ быть на свѣтѣ счастья и красоты.

А затѣмъ онъ перевернулся опять на прежній бочекъ и добавилъ:—

— А также и безъ раскаянія.

И заснулъ крѣпкимъ, зимнимъ сномъ до самой весны.

С. В—нъ.

ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ ИРЕНЫ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Разставшись съ матерью, Ирена долго и неотъпно плакала. Ее отвели куда-то далеко наверхъ и заперли одну на ключъ въ унылой комнатѣ, похожей на тюрьму. Она забилась въ уголь и долго, какъ загнанный звѣрекъ, смотрѣла исподлобья. Все время къ ней никто не приходилъ и не постарался ее утѣшить, и ей казалось страннымъ, что она одна. Потомъ ей захотѣлось ѣсть. Она вышла изъ своего уголка и подошла къ окошку. Оно упиралось прямо въ стѣну и дворъ былъ такъ узокъ, малъ и глубокъ, что въ него виднѣлся сверху только небольшой кусочекъ неба. Заслышавъ ея шаги, къ ней вошла та самая дама, которая назвалась начальницей

пансіона и которая разговаривала съ ея мамой.

— Кажется, ты успокоилась, милая? сказала дама.—Ну, вотъ и отлично! Поѣшь немного, а то ты голодна!

Она дала ей чашку молока и кусокъ булки. Ирена поѣла и немного повеселѣла.

— А теперь—пора и за работу! продолжала дама.—Надѣнь-ка вотъ это платье!

Она бросила ей грязное клѣтчатое платье, которое, очевидно, носилъ еще кто-то раньше Ирены. Когда Ирена попятилась отъ него назадъ, то дама насильно притянула ее за руку къ себѣ, сняла съ нея костюмчикъ и надѣла на нее это платье. Потомъ она распустила

ей косу, остригла ей волосы и надѣла ей на голову старую, поношенную соломенную шляпу. Ирена не понимала, что съ ней дѣлають, и отъ страха не могла ни крикнуть, ни двинуться съ мѣста.

— Вотъ, такъ-то будетъ лучше! сказала дама.—Теперь тебя не узнаетъ никто. Пойдемъ!

Она вывела Ирену за руку изъ комнаты, свела ее по крутой лѣстницѣ на улицу и кликнула извозчика. Онѣ долго ѣхали на немъ черезъ весь городъ на окраину и подѣхали наконецъ къ какой-то лачугѣ. Дама постучалась въ дверь. Вышла какая-то старушка и низко поклонилась.

— Здравствуйте, мадамъ-Жанъ, обратилась къ ней дама.—Вотъ вамъ еще помощница! Пусть она у васъ продаетъ по улицамъ цвѣты или проситъ милостыню! Зовутъ ее Ирена. Но лучше, если она забудетъ свое имя и кто она была раньше. Зовите ее просто-Ира!

Старушка взяла обезумѣвшую отъ страха Ирену за руку. Извозчикъ стоялъ поодаль и, казалось, не обращалъ ровно никакого вниманія на эту сцену.

— А условія все тѣ-же? спросила мадамъ-Жанъ.

— Да, тѣ-же! отвѣчала дама.— Дѣвочка должна приносить намъ каждый день не менѣе, какъ по 15-ти франковъ. Все-же остальное, что она соберетъ сверхъ этой суммы, можетъ принадлежать вамъ за труды.

Дама сѣла на извозчика и уѣхала, а старуха еще долго смотрѣла ей вслѣдъ, держа Ирену за руку. Затѣмъ она ввела ее въ лачугу. Здѣсь было темно, грязно и душно. Пахло цвѣтами и въ то-же время изъ котелка, висѣвшаго надъ очагомъ, распространялся запахъ прѣлой капусты. Ирена заплакала.

— Не бойся, не бойся, Ира! обратилась къ ней старуха.—Изъ тебя выйдетъ хорошая продавщица цвѣтовъ. У тебя хорошенькая, жалостливая мордочка, а это много значить!.. А если ты при этомъ еще научишься притворно плакать, то тебѣ будутъ платить вдвое!

Ирена не понимала, что говорила ей мадамъ-Жанъ. Затѣмъ наступилъ вечеръ, старуха бросила ей въ уголъ какое-то лохмотье и сказала:—Пора спать! Завтра рано вставать! Дѣвочка легла на лохмотья и всю ночь не могла отъ страха уснуть. Она плакала, молилась, тихонько кликала къ себѣ мать и, убѣдившись, что случилось что-то необыкновенное, чего исправить уже нельзя, притихла и притаилась въ своемъ уголкѣ. Она видѣла, какъ въ давно не мытое окошко сталь пробиваться утренній разсвѣтъ, но вѣроятно она все-таки не надолго заснула, потому что не сразу вскочила, когда ее стала будить старуха, и не сразу сообразила, гдѣ она и что съ ней было.

— Пора вставать! сказала ста-

руха.—Вотъ тебѣ хлѣбъ и вода. Поѣшь, да и пойдемъ!

Ирена откусила хлѣба, но долго жевала его и не могла проглотить. Затѣмъ старуха взяла корзинку и вышла съ Иреной на улицу.

— Мы къ мамѣ? обрадовалась дѣвочка.

— Нѣтъ, къ садовникамъ за цвѣтами, отвѣтила равнодушно старуха.— О своей мамѣ ты должна теперь забыть. А вотъ тебѣ мой совѣтъ: поменьше говори людямъ, кто ты такая, а то тебѣ плохо будетъ! Теперь ты не Ирена, а просто Ира. Слышишь? Когда тебя будутъ спрашивать, кто твоя мать, то ты отвѣчай такъ:—Я подкидышъ! А не то, повторяю, тебѣ будетъ плохо!

Они пришли къ садовникамъ совсѣмъ уже почти за городомъ, и старуха купила у нихъ много фіалокъ и гвоздики. Возвратясь затѣмъ домой, старуха надѣлала множество букетиковъ, сложила ихъ въ корзину и повѣсила ее на руку Ирены.

— Иди теперь по улицамъ и продавай эти цвѣты! сказала она дѣвочкѣ.— Проси пожалостливѣй, чтобы купили. Съ цвѣтами назадъ не приходи, а то побью! Да смотри, деньги не растеряй! А если скажешь кому-нибудь, кто ты такая, то тебѣ плохо будетъ! Слышишь? Ну, иди съ Богомъ!

Ирена взяла корзину и, полная страха, направилась къ двери.

— Подожди, остановила ее старуха.— Ты вѣдь нашего города не знаешь, но это ничего. Ты маленькая и тебя никто не обидитъ! Будь только осторожна и не попади подъ лошадь. Ходи только по тѣмъ улицамъ, гдѣ гуляетъ больше разодрѣтыхъ барынь и господъ. А чтобы ты знала, какъ тебѣ вернуться обратно,— вотъ тебѣ записная книжка. Въ ней я записала, что тебя зовутъ Ирой и что ты—моя внучка и гдѣ мы живемъ. Стоить только тебѣ показать эту книжку первому городовому, какъ онъ укажетъ тебѣ, какъ надо идти домой. Только безъ денегъ, смотри, домой не приходи. Изобью!

Дѣвочка взяла отъ старухи книжку, положила ее въ корзинку и вышла изъ лачуги. Она была слишкомъ напугана всѣмъ происшедшимъ и старухой, чтобы обратиться къ кому-нибудь за помощью и попросить отвести ее къ мамѣ и, идя по большому городу, затряпанная въ толпѣ, въ массѣ прохожихъ, стала переходить изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ и предлагать всѣмъ цвѣты.

— Купите фіалокъ! говорила она голоскомъ, въ которомъ слышались слезы.—Гвоздики хорошия!

Распродавъ къ вечеру всѣ цвѣты, голодная и уставшая, еле волоча ноги и испытывая какой-то неопредѣленный страхъ, она стала переходить отъ городского къ го-

родовому, показывала каждому изъ нихъ свою книжку и они доводили ее до мѣста. Домой она возвратилась уже совсѣмъ поздно, когда зажгли уже фонари, и, не сказавъ ни слова, а только положивъ всю свою выручку на столъ, повалилась на свои лохмотья въ углу.

— Ну, вотъ и хорошо! сказала старуха.—Цѣлые семнадцать франковъ! Значить, изъ тебя выйдетъ толкъ!

И она кинула ей ломоть хлѣба и придвинула къ ней кружку воды.

На слѣдующее утро было то же и такъ потянулись дни за днями. Каждый день, выходя на работу, Ирена рассчитывала увидѣть на улицѣ свою мать, пристально вглядывалась въ лица проходившихъ мимо дамъ, но ни въ одной изъ нихъ не узнавала графини Ренаты. Часто она плакала съ горя и прохожіе, видя ея слезы, давали ей дорожку за ея цвѣты. И чѣмъ сильнѣе было это ея горе, чѣмъ болѣе разрывалось ея сердечко при мысли о матери, тѣмъ больше она приносила денегъ домой и тѣмъ бойчѣе шла ея торговля. Проходившіе мимо господа и дамы принимали ея слезы за просьбу дать ей милостыню и платили ей за цвѣты дорожку, чѣмъ было нужно.

— Ну, вотъ и умница! говорила ей старуха мадамъ Жанъ.—Безъ тебя я была-бы, какъ безъ рукъ... Изъ тебя выйдетъ хорошая работница!

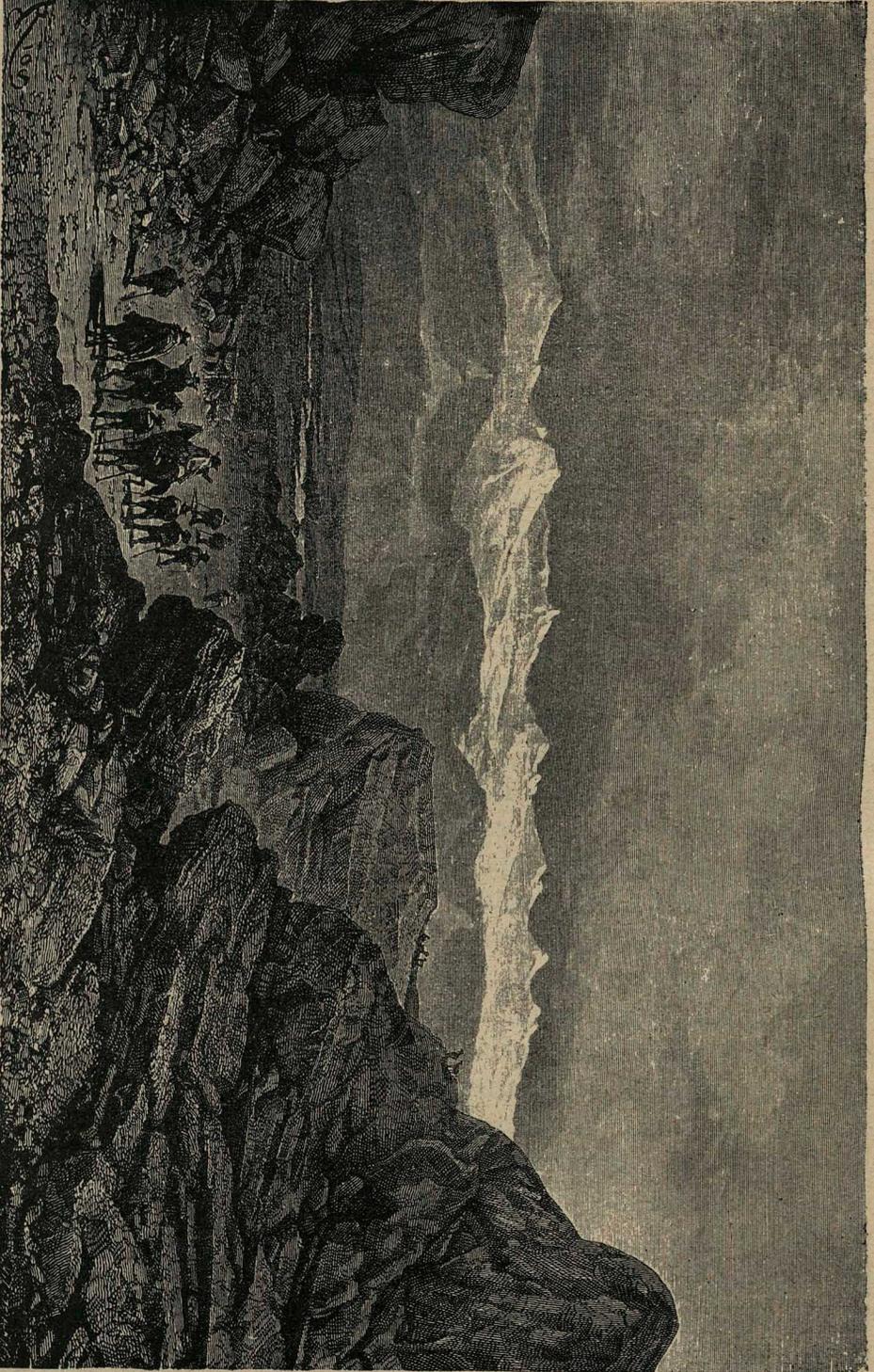
И всѣ въ переулкѣ уже привыкли каждое утро видѣть милостивую дѣвочку въ ея неизмѣнномъ клѣтчатомъ платьѣ, съ корзиной цвѣтовъ на лѣвой рукѣ, а правой рукой поправляющую свои короткіе непослушные волосы.

— Славная дѣвочка! говорили сосѣди.—Посмотрите, какъ она помогаетъ своей бабушкѣ!

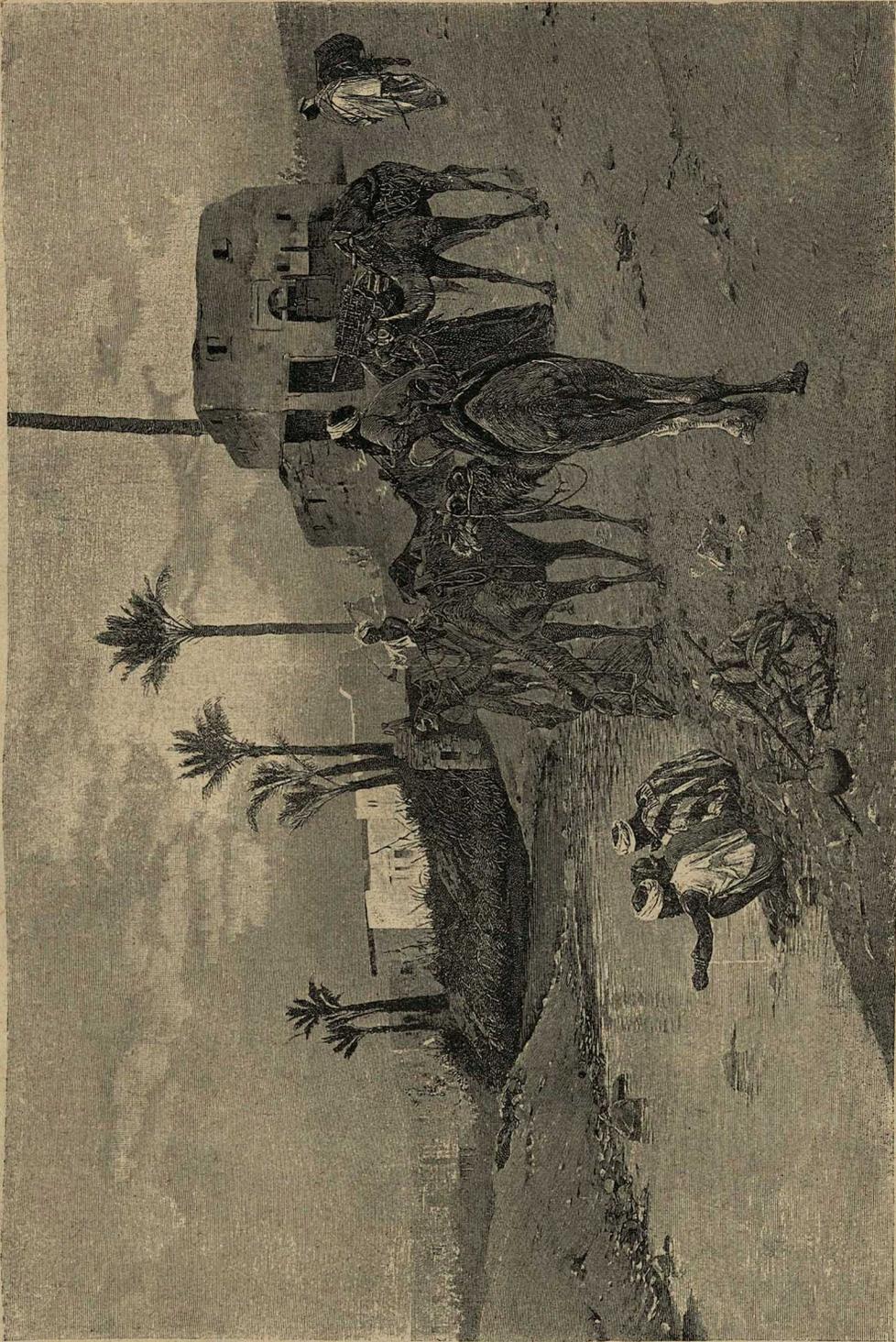
Но Ира не обращала вниманія на эти похвалы и только по вечерамъ, усталая отъ дневной ходьбы и ложась спать, прятала въ лохмотья свою голову и нѣжно и въ то то же время съ отчаяніемъ произносила:—

— Милая мамочка! Гдѣ ты? Я такъ хочу тебя видѣть! Приди ко мнѣ скорѣй! Приснись мнѣ хоть во снѣ!

Настало лѣто, дамы и господа разѣхались по дачамъ и за границу и Ирена осталась совсѣмъ безъ покупателей. Теперь уже пришлось продавать цвѣты въ загородныхъ садахъ, которые находились въ разныхъ концахъ Бреста и такимъ образомъ Иренѣ приходилось ходить по нѣскольку разъ въ день изъ сада въ садъ черезъ весь городъ. Но она не унывала, все еще рассчитывая встрѣтить свою мать, теперь уже не жаловалась и не роптала. Въ своемъ шерстяномъ клѣтчатомъ платьѣ, въ истоптанныхъ башмакахъ, съ непокрытой головой, она серьезно тащила тяжелую корзину, въ кото-

Горная цѣль Джорджіеры въ Южной Америкѣ.

Въ Аравіи у водопои.

рой лежали букетики цвѣтовъ и книжка съ адресомъ старухи, и по ея личику можно было судить, что, разыскивая свою мать среди прохожихъ, она рѣшилась довести свое дѣло до конца и во что бы то ни стало найти мать.

Однажды она шла по набережной рѣки, впадавшей въ гавань. Было жарко, солнце пекло немилосердно и Иренѣ очень хотѣлось пить. Она очень устала, ноги подгибались подъ ней и тяжелая корзина оттянула ей плечо.

„Вотъ зайду за этотъ уголокъ“, подумала она,—„и отдохну“...

И она зашла за выступъ набережной, гдѣ почти совсѣмъ не было народу, опустила тяжелую корзину на мостовую и перевела духъ. Пробѣжавшій вѣтеръ встряхнулъ ея непослушные волосы, она поправила ихъ и стала отирать платкомъ вспотѣвшее лицо.

Какіе-то два оборванца появились вдругъ со стороны рѣки и, выглянувъ изъ-за перилъ набережной, стали алчно смотрѣть на корзину Ирены, въ которой между цвѣтовъ, въ уголку, блестяли выроченныя ею деньги.

— А что, Жакъ, сказали одинъ изъ нихъ,—не стащить-ли намъ у этой дѣвчонки ея корзину?

— Да, отвѣчалъ другой,—должно быть, она наторговала уже много денегъ!

— Давай украдемъ!

— Давай! Только чуръ: деньги пополамъ!

Они перелѣзли черезъ рѣшетку и подошли къ дѣвчкѣ.

— Вы куда, барышня, идете? обратился къ Иренѣ Жакъ, стараясь отвлечь ея вниманіе отъ корзины.

— Я никуда не иду, просто отвѣтила она ему.— Я продаю цвѣты! Я—подкидышь!

Негодяи расхохотались.

— Да она презабавная! воскликнулъ одинъ изъ нихъ и далъ Иренѣ такого тумака по шеѣ, что у нея закружилась голова, схватилъ корзину и бросился съ товарищемъ бѣжать.

Она растерялась, не знала, какъ поступить, побѣжала-было за ними сама, но они были старше и сильнѣе ея и ей было ихъ не догнать.

Въ отчаяніи она стала плакать.

Мимо нея проходили люди, проѣзжали извозчики, но всѣмъ было мало дѣла до нея, такъ какъ въ городѣ каждый всегда больше думаетъ о себѣ, чѣмъ о другихъ, и рѣдко обращаетъ вниманіе на несчастіе другого.

— Дѣвочка, ты чего плачешь? обратился къ ней одинъ проходившій мимо господинъ.

Она напрягла всѣ усилія, стараясь рассказать ему по своему, что съ нею случилось, но слезы душили ее, и онъ не понялъ ее и пошелъ отъ нея прочь. Она хотѣла было дать ему прочитать въ

ея книжкѣ, кто она и гдѣ живетъ, но къ ужасу своему увидала, что воры унесли ее вмѣстѣ съ цѣвѣтами, такъ какъ и она лежала тоже въ корзинѣ.

„Теперь я погибну“, мелькнуло у нея въ головѣ.—„Я не знаю дороги домой и мнѣ нечего теперь показать городовому“...

И въ отчаяніи, опустивъ руки и повѣсивъ головку на грудь, она побрела, куда глядѣли ея глаза.

Солнце жгло немилосердно; ей попрежнему хотѣлось пить, ноги едва несли ее, но подъ вліяніемъ волненія и безпокойства она не чувствовала своей усталости и все шла и шла, сама не зная куда. Раза два или три она подходила къ городовому, стараясь объяснить ему, что она заблудилась и не знаетъ, какъ теперь попасть домой, но онъ не понималъ ее, какъ и тотъ господинъ, что обращался къ ней на набережной, и только лѣниво, чтобы отдѣлаться отъ нея, указывалъ ей на ту или другую улицу.

И она шла по большому городу, затерянная въ этомъ громадномъ муравейникѣ изъ людей, гдѣ по бокамъ ея высились пятиэтажные дома, и гдѣ взадъ и впередъ сновали прохожіе и звенѣли трамваи. Но она была среди нихъ одинока, какъ въ пустынѣ, чувствовала себя чужой, и всѣ были для нея чужіе. Въ этихъ домахъ жили семьи, быть можетъ, счастливыя и

зажиточныя, въ которыхъ были такія же дѣти, какъ и она, но они не знали о ней; мимо нея проходили эти господа въ цилиндрахъ и въ нарядныхъ шляпкахъ, но они не догадывались, что она заблудилась и что ей хотѣлось ѣсть и пить.

И она все шла и шла.

Насталъ вечеръ, потянулись заборы, загудѣли фабричныя гудки, и ей стали попадаться на встрѣчу толпы рабочихъ, возвращающихся изъ фабрикъ домой.

„Должно быть, я попала на край города“, подумала Ирена.—„Если я не дойду до ночи домой, то придется заночевать на улицѣ“...

Она повернула назадъ, но пройдя нѣсколько шаговъ, снова повернула обратно и теперь поняла, что заблудилась безнадежно.

„Господи“, шептала она,—„спаси меня, помоги мнѣ добраться домой! Помоги мнѣ встрѣтить маму!“

Но ноги уже не несли ее, и она въ безсиліи опустилась на тумбу.

Спустилась ночь, потянуло прохладой, и вся жизнь кругомъ нея затихла. Всѣ улеглись спать, а она сидѣла на тумбочкѣ цѣлыми часами, и ея волосы стали влажными отъ росы и вдоль спины пробѣгали у нея холодъ.

Послышались чьи-то тяжелые шаги. Она подняла уставшія вѣки и увидала нищаго. Онъ былъ старъ, едва передвигалъ ноги и подъ мышкой у него была гитара.

Ирена догадалась, что это былъ музыкантъ, который ходилъ по дворамъ, игралъ передъ окнами на гитарѣ и ожидалъ, когда ему выкинуть изъ окна копейку. Онъ шелъ и глубоко вздыхалъ.

Дойдя до дѣвочки, онъ вздрогнулъ отъ удивленія и наклонился надъ ней.

— Дитя мое, сказалъ онъ,—зачѣмъ ты здѣсь сидишь? Вѣдь уже поздно!

Она пересилила дремоту и усталость, вскочила съ тумбы на ноги и сказала ему, что заблудилась.

— Такъ и есть... продолжалъ онъ и покачалъ головою.—Такая маленькая и къ тому же заблудилась...

И постоявъ около нея нѣсколько минутъ, онъ глубоко вздохнулъ и опять покачалъ головою.

— Ну, куда намъ съ тобой дѣться? сказалъ онъ.—Я цѣлый день ходилъ по дворамъ, игралъ и пѣлъ, но не заработалъ ничего, и вотъ теперь голоденъ и не знаю, гдѣ провести ночь. Но развѣ можно тебя бросить одну?

Она съ благодарностью посмотрѣла на него.

— Я усталъ, еле плетусь, продолжалъ нищій,—ноги у меня больныя, еле ходятъ, но пойдёмъ, я отведу тебя въ ночлежный домъ. Я и самъ съ удовольствіемъ переночевалъ бы тамъ, но у меня нечѣмъ заплатить за ночлегъ и меня туда не примутъ. Я проведу тебя

туда, но такъ какъ ты дитя, ребенокъ, то у нихъ не хватитъ силъ отказать тебѣ... Пойдемъ, моя крошка!

И онъ взялъ ее за руку и повелъ ее обратно въ городъ. Она молча, послушно, послѣдовала за нимъ.

Они побрели въ грязный кварталъ, гдѣ были харчевни и бродили по улицамъ пьяные люди, и гдѣ грязь была такъ липка, какъ клей. Дома здѣсь были низкіе, мрачные, такіе-же мрачные, какъ и жившіе въ нихъ люди, и изъ дворовъ выбѣгали грязныя лохматая собаки. Около одного изъ такихъ домовъ нищій остановился и сталъ дергать въ звонокъ.

— Здѣсь ночлежный домъ... сказалъ онъ Иренѣ.—Я позвоню, тебя впустятъ и ты отдохнешь... Я-же опять поплетусь своей дорогой, пока не упаду и не умру гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

Онъ дернулъ еще разъ въ звонокъ.

— Кто тамъ? послышался голосъ по ту сторону воротъ.

— Пустите переночевать!—отвѣтилъ нищій.

Калитка отворилась и въ ней показался мужчина.

— Пять сантимовъ! сказалъ онъ. Безъ денегъ не принимаемъ!

— Милостивый государь, обратился къ нему нищій и приложилъ руку къ сердцу.—У меня нѣтъ этихъ денегъ, но я прошу васъ не

за себя, а за этого вотъ ребенка. Впустите его, и Богъ васъ не оставитъ за это.

— Проходите, проходите! отвѣтилъ человѣкъ.— Много васъ тутъ шляется по ночамъ! Безъ денегъ не пускаемъ никого! Только безпокойте!

И мужчина затворилъ передъ ними калитку.

Дѣвочка не понимала этого разговора, но усталость такъ сковала всѣ ея члены, что она готова была упасть прямо на тротуаръ, въ эту липкую грязь, и пролежать на немъ недвижимо до утра.

— Дѣлать нечего, вздохнулъ нищій.— Пойдемъ, мое дитя! Я проведу тебя подъ мостъ, и мы тамъ проведемъ эту ночь. Тамъ будетъ сыро отъ рѣки, но зато насъ не промочитъ дождь, который сейчасъ пойдетъ. Ты въ одномъ только платьицѣ и можешь простудиться... Пойдемъ, мое дитя!

Онъ взялъ ее за руку и почти силою повелъ ее въ городъ. Она еле плелась за нимъ и ей казалось, что она спала, и что все это былъ тяжелый сонъ, отъ котораго она никакъ не могла пробудиться.

Они шли очень долго, куда-то далеко, проходили по пустыннымъ улицамъ и переулкамъ и вышли наконецъ на площадь. Отсюда шла улица прямо къ рѣкѣ, черезъ которую былъ перекинутъ громадный, чугунный мостъ.

— Вотъ мы и пришли! сказалъ

нищій и крѣпче взявъ Ирену за руку.— Не оступись, мое дитя! Мы сойдемъ сейчасъ къ самой водѣ и затѣмъ подлѣземъ подъ то самое мѣсто, гдѣ мостъ упирается въ берегъ. Тамъ есть уютный уголокъ, въ которомъ проводятъ ночи бездомныя горемыки. Иди вотъ сюда!

И онъ провелъ Ирену подъ мостъ.

Было сыро и свѣжо и желѣзные арки потянулись у Ирены надъ колодой. Глаза ея слипались и ноги еле держали ее и, какъ была, она упала прямо на голую землю.

— Устала!.. проговорилъ нищій и покачалъ головой.— Бѣдная, бѣдная горемыка!

И снявъ съ себя рваный пиджакъ, онъ заботливо укрылъ имъ Ирену и благоговѣнно поцѣловалъ ее во влажный отъ появившейся росы лобъ.

— Спи съ Богомъ!.. сказалъ онъ.— Отдохни немного! А я посижу около тебя и поберегу твой покой!.. Ахъ, ноги мои, ноги!.. Какъ онѣ болятъ, какъ онѣ отказываются мнѣ служить!

И дрожа отъ сырости, онъ присѣлъ около нея и, весь съезжившись въ комокъ, сталъ смотрѣть печальными глазами на мутныя воды рѣки, плескавшейся о берега, и на большой, терявшійся въ туманѣ городъ, въ которомъ было столько красивыхъ построекъ и такъ мало добрыхъ людей.

Настало утро. Ирена просну-

лась рано, вся мокрая отъ росы. Надъ нею уже гроыхали по мосту телѣги и ломовые и въ первую минуту она никакъ не могла понять, гдѣ находилась.

— Проснулась? спросилъ ее нищій, который не спалъ всю ночь. — Тебѣ холодно? Но что-же дѣлать? Теперь намъ съ тобой нужно работать себѣ кусокъ хлѣба, такъ какъ я и ты голодны.

И опять взявши ее за руку, онъ вывелъ ее изъ-подъ моста и повелъ ее за собою въ городъ.

Раскрывались лавки и магазины, изъ булочной пахло вкуснымъ, горячимъ хлѣбомъ, который приготовленъ былъ къ утреннему чаю тѣхъ людей, которые могли его купить. Ирена вспомнила о своей матери, о кофе, который пила по утрамъ, ей страшно хотѣлось ѣсть и она стала плакать.

— Ты голодна, моя крошка? обратился къ ней нищій. — Ты плачешь? Вотъ погоди немножко, мы зайдемъ въ этотъ дворъ, что-нибудь споемъ и намъ выкинуть изъ окна монету.

Онъ ввелъ ее за собою на дворъ. Это былъ не дворъ, а колодезь, въ который выходили кухни и людскія всѣхъ шести этажей громаднаго дома, внутри котораго былъ этотъ дворъ. Въ немъ было сыро и пасмурно и штукатурка на домѣ почти вся облѣзла.

Нищій настроилъ свою гитару, поставилъ передъ собой Ирену,

заигралъ и старческимъ, разбитымъ голосомъ запѣлъ. Ирена не слышала ничего и только съ жадностью смотрѣла на окна, изъ которыхъ ей могли кинуть кусочекъ хлѣба.

Но ей никто его не кинулъ.

Нищій опять взялъ ее за руку и опять вывелъ ее на улицу.

— Никто ничего не подалъ... вздохнулъ нищій. — Точно такъ-же, какъ и вчера. Да оно такъ и должно быть... Потому что я никому не нуженъ... Ахъ, дѣвочка, дѣвочка!.. Когда-то я былъ великій музыкантъ, обо мнѣ говорили, писали въ газетахъ, мнѣ апплодировали въ театрахъ, знакомство со мной считали за честь, а теперь... Теперь я одинокъ и никому не нуженъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я простудился и потерялъ свой голосъ, всѣ отшатнулись отъ меня, для всѣхъ я сталъ чужой и вотъ теперь я хожу по дворамъ и прошу милостыню!

И они снова стали ходить изъ улицы на улицу, со двора на дворъ и всюду нищій игралъ и пѣлъ, но никто имъ не подавалъ.

— Знаешь что? вдругъ воскликнулъ нищій и глаза его заблестали. — Пойдемъ въ деревню! Въ деревнѣ люди не такъ жестоки, какъ въ городѣ, потому что живутъ ближе къ природѣ и знаютъ Бога! Тамъ намъ дадутъ поѣсть!

И крѣпко сжавши ея ручку въ своей рукѣ, онъ почти насильно

потянулъ ее куда-то далеко, туда, гдѣ вдаль виднѣлись деревья и гдѣ тонкой линіей небо сходилось съ землею.

Ирена не понимала, что съ ней дѣлалъ старикъ, у нея отъ голода болѣлъ животъ и стала кружиться голова и вѣки закрывались сами собой. Она шла за нищимъ, еле передвигая ноги отъ усталости и уже перестала замѣчать, что происходило у нея по сторонамъ. А когда они вышли изъ города и пошлелись по шоссе, вдоль котораго тучами носилась по вѣтру пыль и шумѣли деревья, она почувствовала, что они за городомъ и что теперь она была отъ матери уже такъ далеко, что ей уже не увидеть ея никогда.

— Иди, иди! говорилъ ей нищій.—Въ деревнѣ насъ накормятъ, и ты будешь сыта.

Она хотѣла ему что-то сказать, но не смогла, и вдругъ всею тяжестью своего маленькаго тѣльца повалилась на землю и лишилась чувствъ.

— Свалилась... проговорилъ нищій.—Не смогла... Я тоже еле иду, и если мнѣ не дадутъ сейчасъ поѣсть, то я умру и этотъ ребе-

нокъ тоже погибнетъ. Господи, помоги мнѣ!

И отбросивъ гитару за спину, онъ нагнулся надъ дѣвочкой, взялъ ее на руки и, изгибаясь подъ тяжестью своей ноши и качаясь изъ стороны въ сторону, какъ пьяный, понесъ Ирену туда, гдѣ изъ-за фруктовыхъ деревьевъ ласково выглядывали красныя крыши подгородной деревни.

— Сейчасъ... сейчасъ... шепталь онъ и тяжело дышалъ.— Сейчасъ мы придемъ въ деревню, и тамъ намъ дадутъ хлѣба... молока... Ты поѣшь и придеши въ себя... Охъ, тяжело, не могу больше... Я сейчасъ упаду, и ты можешь погибнуть... Господь не лишитъ меня силъ...

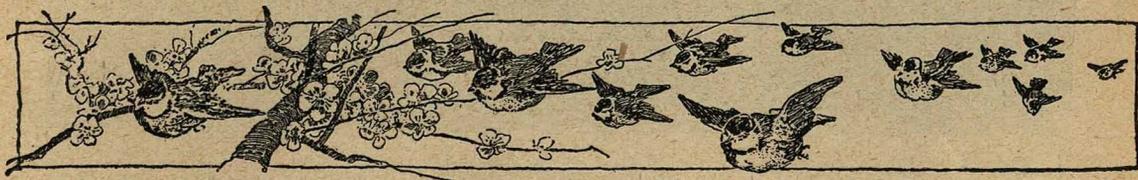
Онъ сталъ качаться еще болѣе, его ноша почти пригибала его къ землѣ, и у Ирены болталась голова такъ, какъ у мертвой птички, которую мальчикъ треплетъ туда и сюда.

— Нѣтъ... не могу! простоналъ нищій.—У меня не хватаетъ больше силъ!

И сдѣлавъ еще два шага впередъ, онъ вмѣстѣ съ Иреной безъ чувствъ повалился на траву.

К. Тр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Яблони цвѣтуть.

Маленькій пастушокъ.

МИЛАЯ ПОРА!

Зацвѣли цвѣточки въ полѣ,
Ужъ траву косить хотятъ,
Дѣти бѣгаютъ на волѣ—
Счастье, радость для ребятъ!

Жарко... Хочется купаться
И бѣгутъ дѣтишки въ прудъ,
Начинаютъ тамъ плескаться,
Брызжутъ, плаваютъ, орутъ...

И, набѣгавшись до сыта,
Прибѣгаютъ со двора,
Лягутъ спать—и все забыто...
Милая пора!

Ирисъ.

БОРЯ И МИЛОРДЪ.

Папа и мама уѣхали въ городъ, и на дачѣ остались только Боря, да горничная Настя. Боря и раньше цѣлые часы проводилъ въ саду, играя со своимъ преданнымъ другомъ, большимъ псомъ Милордомъ, и потому и теперь Настя оставила его одного и ушла въ кухню. Было жарко. Боря скоро набѣгался, ему захотѣлось въ тѣнь, и онъ вошелъ въ домъ и съ удовольствіемъ растянулся на диванѣ. Во всемъ домѣ было тихо и слышно было, какъ тикали часы въ столовой. Затѣмъ они пробили и имъ въ отвѣтъ другіе часы въ папиномъ кабинетѣ нѣжно заиграли музыку. Боря любилъ эту музыку и когда часы перестали играть, то ему захотѣлось послушать ихъ снова.

„Папа дѣлаетъ какъ-то такъ, подумалъ онъ,—что они могутъ играть непрерывно“.

И онъ вошелъ въ кабинетъ. Несмотря на запрещеніе, онъ всталъ на стулъ и потянулся къ часамъ, чтобы перевести на нихъ стрѣлку, какъ вдругъ нечаянно зацѣпился за что-то, потерялъ равновѣсіе и покачнулся въ сторону. Чтобы не упасть, онъ схватился за полочку и сорвалъ ее съ гвоздя. Стоявшая на ней фарфоровая фигурка какой-то женщины, свалилась на полъ и разбилась въ мелкіе кусочки.

„Боже мой, что я надѣлалъ!“ воскликнулъ Боря.

Весь красный, широко раскрывъ глаза, онъ съ растеряннымъ видомъ долго смотрѣлъ на лежавшіе на полу осколки и не зналъ,

какъ ему быть. Его отецъ очень любилъ и цѣнилъ эту фигурку,— онъ зналъ это,—ему было стыдно за себя и въ то-же время жаль отца. Но что оставалось дѣлать? Склеить фигурку было нельзя и какое-то странное, смѣшанное чувство стыда и страха за себя наполнило его душу. Онъ зналъ, что ему не сдѣлали-бы за это ничего, если бы онъ откровенно сознался во всемъ, но что-то сразу-же удержало его отъ этого, онъ сталъ на ложную почву, ложный стыдъ взялъ верхъ надъ его правдой, и онъ сталъ придумывать способъ, какъ-бы скрыть то, что произошло. Но что онъ могъ для этого придумать?

И пока онъ стоялъ надъ осколками и соображалъ, раздались мягкіе шаги лапъ и въ кабинетъ вошелъ Милордъ; онъ соскучился безъ своего друга и пришелъ звать его въ садъ. Милорду запрещалось входить въ кабинетъ, но старшихъ не было дома, и онъ позабылъ о запрещеніи. Увидѣвъ Борю, онъ повилялъ ему хвостомъ.

„Ахъ, Милордъ, Милордъ, вздохнулъ Боря.—Что я надѣлалъ!“

Милордъ взялъ его зубами за край рубашки и потянулъ изъ кабинета. Мальчикъ послушно послѣдовалъ за нимъ въ садъ, плотно затворивъ за собою дверь. Повидимому, Милордъ бѣгалъ до этого по грязной дорогѣ за оградой, потому что оставилъ послѣ себя на

гладко натертомъ полу кабинета яркіе слѣды. Они пробѣжались по дорожкамъ сада, но теперь Боря какъ-то не бѣгалось, и онъ думалъ только о разбитой фигуркѣ и о томъ, какъ-бы его отецъ не догадался, что въ кабинетѣ былъ онъ.

Затѣмъ вернулись папа и мама. Боря слышалъ изъ сада ихъ голоса. О чемъ-то громко говорилъ папа и, судя по тону, мама старалась его утѣшить.

„Это они о фигуркѣ“...подумалъ Боря.

Сѣли обѣдать. Послѣ обѣда папа взялъ Борю за руку и усадилъ его рядомъ съ собой на диванъ. Повидимому, онъ ожидалъ, что Боря сообщитъ ему о случаѣ самъ, но ложный стыдъ овладѣлъ мальчикомъ окончательно и онъ смолчалъ.

—Какая жалость! сказалъ наконецъ папа послѣ долгаго молчанія.—Кто-то разбилъ мою фарфоровую статуэтку.—Но я знаю, кто это. Это—Милордъ! Безъ меня онъ входилъ въ кабинетъ и оставилъ на полу слѣды. Теперь ты долженъ будешь лишиться своего пріятеля. Я не желаю больше терпѣть его у себя въ домѣ.

Боря вздрогнулъ.

—Ты прикажешь, папа, его кому-нибудь отдать? спросилъ онъ.

—Ну, конечно! Онъ разбилъ у меня цѣнную вещь, которая стоитъ гораздо дороже, чѣмъ онъ самъ.

Онъ можетъ разбить что-нибудь и еще. Нѣтъ, нѣтъ, я больше не желаю держать эту дрянъ у себя!

Боря испугался. Неужели-же папа сдержитъ слово и лишитъ его искренняго, преданнаго друга, который такъ любилъ его и который всегда такъ ласково глядѣлъ ему въ самые глаза и вилялъ ему хвостомъ? И чѣмъ виноватъ этотъ бѣдный Милордъ? Конечно, онъ можетъ, онъ долженъ выгородить сейчасъ свою собаку, одно только его слово могло-бы оправдать ее, и Боря готовъ уже былъ произнести его и обвинить имъ себя,—но какой-то необъяснимый страхъ сковалъ его уста, и онъ смолчалъ. Опустивъ голову и съ полными слезъ глазами, онъ отправился къ себѣ въ дѣтскую и легъ на кровать. Вошелъ Милордъ и, увидѣвъ своего друга печальнымъ, лизнулъ его въ носъ и завилалъ ему хвостомъ. Сбоку стоялъ стулъ и, виляя хвостомъ, Милордъ стучалъ имъ по стулу, какъ палкой. Боря посмотрѣлъ ему въ глаза. Совѣсть Милорда была такъ спокойна, и выраженіе его морды было такое добродушное, что Борѣ стало стыдно, и онъ быстро отвернулся къ стѣнѣ и засунулъ голову подъ подушку.

Вечеромъ, по обыкновенію, пошли гулять: папа, мама и Боря. Ходили далеко, въ поле и къ лѣсу и каждый разъ такія прогулки доставляли Борѣ громадное удовольствіе. Онъ бѣгалъ, прислушивался

къ крику лягушекъ и пѣнію соловьевъ у опушки лѣса, и блѣдная сѣверная ночь, съ ея ароматами, стрекотаньемъ насѣкомыхъ и птичьими голосами, всегда казалась ему прекрасной и заставляла его думать о феяхъ и о герояхъ тѣхъ сказокъ, которыя рассказывала ему мама.

Теперь-же онъ шель, понуривъ голову, и не замѣчалъ ничего. Все потеряло для него смыслъ и ничто его не веселило. Онъ хотѣлъ сознаться папѣ во всемъ и въ то-же время что-то удерживало его, и этотъ разладъ въ его душѣ заставлялъ его страдать.

Когда возвращались назадъ, то встрѣтили сосѣда по имѣнію.

—Иванъ Егорычъ, обратился къ нему папа.— Не найдется ли у васъ кто-нибудь изъ знакомыхъ, который пожелалъ-бы взять себѣ нашего Милорда?

—А что? спросилъ сосѣдъ.— Развѣ вы имъ недовольны?

—Да, немножко... Онъ сталъ у насъ непослушнымъ. Разбиваетъ дорогія вещи..

—Такъ вы отправьте его къ Иванецкому! Онъ держитъ много собакъ и уже давно присматривается къ вашему Милорду!

—А далеко отсюда живетъ этотъ вашъ Иванецкій?

—Верстахъ въ двадцати. Но какъ-же отнесется къ этому вашъ Боря? Вѣдь они съ Милордомъ большіе друзья!

Папа вздохнулъ.

— Что-жъ дѣлать? отвѣтилъ онъ.
— Боря пойметъ, что иначе поступить нельзя!

Боря едва удерживалъ слезы. Пришли домой, онъ простился съ родителями и пошелъ къ себѣ спать. Вошла къ нему мама, чтобы перекрестить его и очень удивилась, найдя его печальнымъ.

— Ты чего? спросила она.— Спи съ Боженькой и не просыпайся до утра!

Она поцѣловала его, укрыла и вышла изъ дѣтской.

Боря залился слезами. Боже мой, неужели-же папа дѣйствительно исполнить то, что говорилъ, и Милордъ уже не будетъ приходить къ Борѣ въ дѣтскую каждое утро и будить его? Неужели они не будутъ теперь вмѣстѣ бѣгать по саду, играть, валяться вмѣстѣ по травѣ и вмѣстѣ отдыхать? Вѣрный Милордъ до сихъ поръ былъ самой преданной нянькой для Бори: онъ не давалъ ему скучать, предостерегалъ его, гдѣ грозила опасность, поддерживалъ его когда онъ падалъ. И вдругъ — лишиться этой няни, этого вѣрнаго искренняго друга, съ которымъ вмѣстѣ росли и дѣлили радости и горе! Нѣтъ, этого не можетъ быть никогда!

Боря еще долго ворочался въ постели, плакалъ, вздыхалъ и наконецъ заснулъ. И ему привидѣлся сонъ. Ему представилось точно на яву, что дверь въ дѣтскую отворилась и вошелъ Ми-

лордъ и сѣлъ около его кровати. Но это уже не былъ тотъ Милордъ, къ которому такъ привыкъ Боря: теперь это была худая, забитая собака, угрюмая, голодная, со втянутыми боками и съ печальными, слезившимися глазами.

— Милордъ, что съ тобой? спросилъ его Боря.

— Зачѣмъ ты предалъ меня? отвѣтилъ ему на человѣческомъ языкѣ Милордъ.— Теперь меня не кормятъ, бьютъ — и это за то, что я такъ горячо тебя любилъ!

И вслѣдъ затѣмъ вся дѣтская освѣтилась какимъ-то страннымъ свѣтомъ и въ самой срединѣ этого свѣта появилась разбитая Борей статуэтка. Она насмѣшливо улыбалась и съ угрозой протянула руки къ его подушкѣ.

— Трусъ! сказала она.— Ты знаешь, что изъ-за тебя пострадалъ другой, и не имѣешь смѣлости прямо заявить, что это разбилъ меня ты!

И она вдругъ превратилась во взрослую женщину, которая склонилась надъ Борей и стала насмѣшливо ему кричать:— „Трусъ! Трусъ!“ А сбоку стоялъ бѣдный Милордъ, который положилъ лаково къ нему на край кровати лапу и глубоко вздыхалъ.

— Зачѣмъ ты предалъ меня? спрашивалъ онъ.— Вѣдь, я былъ твоимъ близкимъ другомъ!

Боря вскочилъ съ постели и сбросилъ съ себя одѣяло. Стыдъ

и угрызенія совѣсти наполнили его душу, онъ хотѣлъ оправдываться, защищаться, сталъ увѣрять Милорда, что онъ сейчасъ-же побѣжитъ къ папѣ и расскажетъ ему все, но въ это время какой-то комокъ подкатилъ ему къ самому горлу, онъ разрыдался, вскрикнулъ... и проснулся.

Свѣтило солнце. Пѣли птицы. Легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по деревьямъ и они шелестѣли листвою. Розовый кустъ смотрѣлъ цвѣтами прямо въ окно. Въ правдивой природѣ было такъ хорошо, такъ ясно, что эта ясность передалась и Борѣ, и онъ весело, но съ еще не обсохшими на щекахъ слезами, которыя пролилъ во снѣ, сталъ оглядываться по сторонамъ. Но ни Милорда, ни фарфоровой фигурки уже не было около него и лучъ солнца, проходя сквозь тюлевую занавѣску, разрѣзалъ всю дѣтскую и падалъ какъ разъ на то мѣсто, гдѣ стояли фигурка и несчастный Милордъ. Изъ коридора въ дверь дѣйствительно царапался Милордъ.

— Не бойся, Милордъ, крикнулъ ему Боря.—Ты останешься у насъ навсегда! Я не допущу, чтобы тебя отдали кому-нибудь другому!

Въ столовой уже раздавались голоса и шаги и слышно было, какъ Настя разставляла чайную посуду. Значить, было уже нерано.

Боря спрыгнулъ съ постели, накинулъ себѣ на плечи одѣяло и,

какъ былъ, босячкомъ и въ одной рубашкѣ, побѣжалъ къ папѣ въ кабинетъ. Папа уже всталъ и, сидя въ халатѣ за письменнымъ столомъ, раскладывалъ бумаги. Боря подкрался къ нему сзади и обнялъ его за шею.

— Папа, прости меня! сказалъ онъ.—Это я разбилъ твою фигурку!

Вмѣсто упрековъ и выговора, папа обхватилъ его маленькое, тщедушное тѣльце и крѣпко прижалъ его къ себѣ. Потомъ онъ нѣжно поцѣловалъ Борю въ глаза и лобъ.

— Это самое лучшее, что ты могъ сдѣлать, сказалъ онъ ему.— Я зналъ, что фигурку разбилъ именно ты, а не Милордъ, потому что Милордъ не могъ-бы достать такъ высоко. И я ждалъ твоего сознанія. Ты совершилъ сейчасъ великій поступокъ; ты одержалъ побѣду надъ самимъ собой!

Боря слушалъ его, плохо понималъ отъ радости, что онъ ему говорилъ, и только всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, какъ возстановилось вдругъ нарушенное равновѣсіе его души и какъ все: и солнце, и деревья, и птичьи голоса вдругъ приобрѣли для него совсѣмъ иной смыслъ, какого не имѣли до сихъ поръ.

Вошелъ Милордъ и, положивъ Борѣ на колѣни морду, ласково завилалъ ему хвостомъ. А папа еще долго держалъ около себя голенькаго Борю и ласково трепалъ Милорда по спинѣ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Почему дымъ идетъ изъ печки, а не остается въ ней? (предложили М. и И. Чегодаевы).

II.

До какихъ поръ могутъ прожить на свободѣ слонъ, обезьяна и попугай?

III.

Задуманы три слова:

1) То, въ чемъ стираютъ бѣлье.

2) То, что есть въ каждомъ дворѣ.

3) То, изъ чего дѣлаютъ мячи и калоши.

Взять отъ перваго слова первый слогъ, отъ второго—второй и отъ третьяго—третій и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее то, что носятъ короли.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IV.

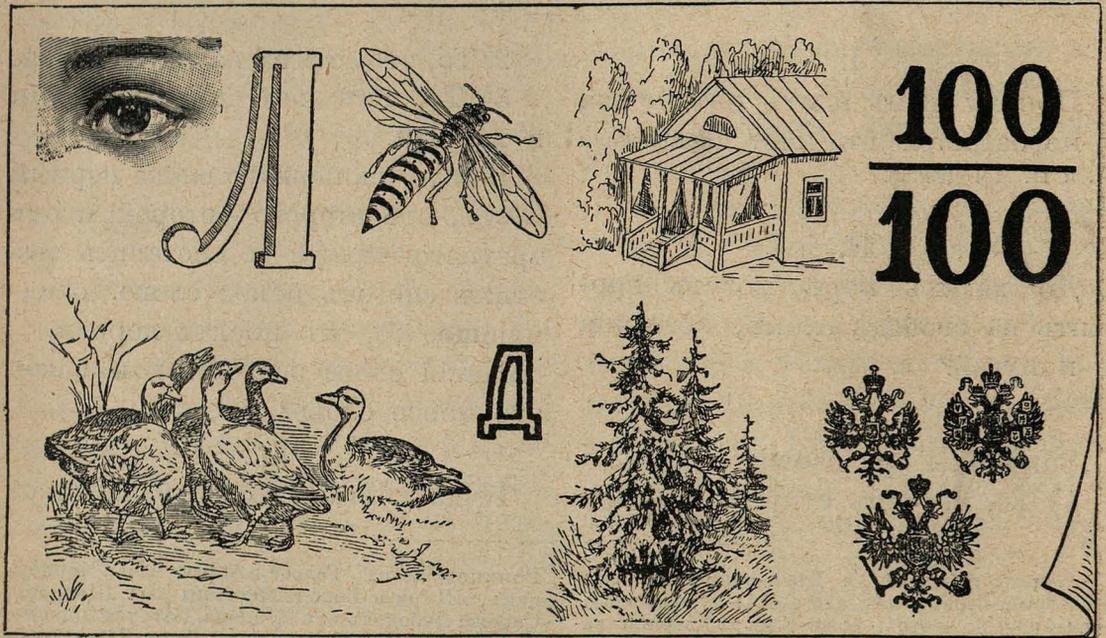
Куда убѣгаютъ отъ балалайки?

Рѣшеніе ребуса № 14: Дѣв+очки+на+бра+ди+грибъ+овъ+ис+ели+съ+ду+кошка+ми+око+ло+сто+рожъ+ки = Дѣвочки набрали грибовъ и съѣли съ лукошками около сто-рожки.

Вторая рѣшенія прислали: Коля Покровский изъ Старохоперской, Вова Федоровъ изъ Минска, Женя Ушакова изъ Риги, Владикъ Карповичъ изъ Кишинева, Коля Тюленевъ изъ Грибановки, Ефимъ Колуричъ, Мика Ходжаевъ, Ира Венергъ, Боря и Коля Пантуевы, Костя и Ника Романовскіе изъ Гельсингфорса, Гога Огаревъ въ СПб., Юля Эрдманъ изъ Рѣжицы, Маруся Макаревичъ изъ Кременца, Владиміръ Хрущовъ въ СПб., Катя Цудунава изъ Умани, Эльза Якубовичъ изъ Александрополя, Маруся Демешева, Георгій Розенбергъ, Борисъ Сидѣльковскій, А. Шелехова въ СПб., Соня и Маруся Кузовкины, Леночка Быкова въ СПб., А. Заславская изъ Москвы, Зоя Дембровская, Ляля Сикорская, Е. Радде, Гриша и Зента Шмидтъ изъ Вольмара, Роба Каверъ, Ньюма и его сѣренъкій трусикъ, Боря Тарелкинъ, Аня Евладова изъ Уфы, Маня Мошина, Тоня и Женя изъ Новочеркасска, Шура и Сережа изъ Оренбурга, Беатриса Волконская изъ Волчанска, Тася Тимошеева, Володя и Дося Яковлевы, Сережа Стратоновичъ изъ Плонка, Микъ-Макъ изъ Яновки, Сергѣй, Игорь, и Лина Халтурины, Ваня, Дуня и Сережа Скворцовы, Ирочка и Маруся Посадскія изъ Наровчата, Люся Кривенко изъ Острогжска, Мирочка Левикова изъ Тамбова, Сонечка Македонская изъ Диканьскаго лѣса, Олегъ Кашкаровъ изъ Екатеринослава, Лена и Зина Коноплевы изъ Иваново-Вознесенска, Коля Рыхляковъ, Нюра Сергѣева изъ Орла, Толя Охотникъ изъ Ухолова, Надя Бауеръ изъ Осташкова, Коля, Толя, Костя, Ника и Ната

Романовскіе изъ Гельсингфорса, Анна Черноуцанъ, Шура и Володя Фомины изъ Шигровъ, Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Катруся Опешко, Люба Титоровъ, О. Яковлевъ, Ваня, Лѣня, Ксеня и Нина Антоновы, Владиміръ Дьяконовъ, Вѣра и Борисъ Антоновы, Алеша и Рая Алейниковы изъ села Черешть, Кишиневскаго уѣзда, Митя, Шура, Надя и Валюнчикъ Кононовы, Оля, Коля, Ксая и Боръ Быковы, Татьяна Орловская, Вѣра, Галя и Кира изъ Бердянска, Аня изъ Θεодосіи, Рома, Висса и Валя Григорьевы, Леля Гембаржевская, Михаилъ Вавиловъ изъ Москвы, Н. Пирогова изъ Ковала, Дѣя, Агничка Лавровы и Бабочка Жинкина изъ Трубчевска, Коля Клаучъ изъ Оникшть, Саня и Аня Бугаеско изъ Хотина, Надя Панафутина и Всева Варли изъ Н.-Новгорода, Леля и Соня Никитины, Галя Арбузова, Миша Михайловъ изъ Павловска, Катя Кузьмина, Шурикъ и Коля Ивановы изъ Гельсингфорса, Коля Рыхляковъ, Леонардъ и Эдгардъ фонъ Рихтеръ, Маруся Торопова, Лена и Зина Коноплевы, Марусенька Орлова изъ Павловска, Толя и Коля Туръ, Леонидъ Соколовъ изъ Млавы, Яша Схижъ, Борисъ Жолткевичъ, Сережа Пестряковъ, Нина, Жура и Константинъ Филиповскіе, Нина, Цилия и Надя Шеферъ, Шура и Володя Фомины изъ Шигровъ, Катя Львая, Миля Ханжа, Женя Езерскій, Катя Головачева, Ксенія, Нина, Ваня и Лена Антоновы, Мотя Кевесъ, Кто то безъ подписки на сиреневой бумагѣ. Женя и Тоня Волочковы изъ Новочеркасска, Оеда и Глаша Титовы, Валя Дмитревскій, Катя Алексѣева и Леля Костеничъ, Петя и Люба Тихонравовы, Ольга Павленко изъ Александрова, Соня и Нина Конашинскія изъ с. Черепова, Сережа Соболевъ изъ Рябичей, Лена и Наташа Какурины изъ Баку, Женя, Андрюша и Гриша Сорокины, Александръ Стратонитскій изъ Москвы.

Ребусъ № 16.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истѣкшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.
**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
 ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложения: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

